

ний друг перед другом: «Мы-то отпустим друг другу грехи, куда денемся... А вот внуки что нам скажут, если все сады поморозим!..» (драма «Сад»). А героиня «Колей» Нелли так говорит о своих детях: «Порой мне кажется, что мы завели их куда-то, заманили и бросили на полпути».

В интервью 1987 А. отмечал царившую в лит-ре шестидесятников «двуличность»: «Литература в это время вроде бы боролась и за нравственность, и за честность, и за цельность, но слишком уж часто, особенно драматургия, завершала свой поиск благополучным исходом дела...» (Лит. газ. 1987. 7 янв.). А. стремится разрушить иллюзию стабильности жизни, в его пьесах редок счастливый конец. Из-за этого он длительное время находился в «черном списке» драматургов, которых почти не ставили, обвиняя в отрыве от жизни, клевете, очернительстве. «Да, добро должно быть в человеке, и общество должно быть великодушным. Но с какой стати... мы должны прощать, потерять память, быть не добрыми, а добренькими, когда нужно хорошенько разозлиться?..» (Лит. газ. 1987. 7 янв.).

А. социален. Проблемы общества волнуют его значительно сильнее проблем индивида — конфликт в пьесах развивается между мировоззрениями, а не между характерами (например, драма «Смотрите, кто пришел!»). Психологии предпочитается идеология. В речевых портретах героев явственны среда, воспитание, род работы. Так, Бородина, директор швейной фабрики, обращаясь по телефону к своему секретарю, говорит: «Приснул! Индюк вислогубый... Давай! Так, сорочки мужские. По рукавам. Записала. По манжетам... Чего, чего... Личная жизнь рушится, вот чего! Перед давай. Спинку... Воротники...» (комедия «Синее небо, а в нем облака»).

Типичный герой А. — резонер, который самостоятельно излагает свой *modus vivendi*. Мотивировка поступков действующих лиц кроется в их идейных установках. Герои сконструированы как «образы-проблемы» (Швыдкой М. — С. 26). Они вступают в дискуссию с окружающими, что и составляет основу пьес А. Драматические идеалы А. во многом складывались под влиянием пьес Бернарда Шоу, однако герои А. настолько разобщены, что иногда просто не способны вступить в диалог. Иногда пьеса формируется как непрерывная цепь монологов. У А. нет однозначно положительных и отрицательных героев: в традициях совр. драмы пьесы А. лишены ярко выраженной авторской оценки.

А. тщательно анализирует конкретный жизненный материал, «добирается до его глубинной структуры, которая своеобразно отражает социальную модель отношений» (Швыдкой М. — С. 22), то есть частное приобретает у А. статус типичного (например, «Смотрите, кто пришел!»).

Вслед за Чеховым А. стремится сосредоточиться на внутреннем мире героев, что дает ему возможность отказаться от «классического» действия с четко очерченной фабулой. У А. преобладает «внутреннее действие», которое разворачивается неторопливо вследствие того, что важнее самого текста оказывается «подтекст».

Главные действующие лица немногочисленны и объединены небольшим, строго определенным пространством (например, комедия «Синее небо, а в нем облака»). Нередко героями становится семья (например, комедия «Пять романсов в старом доме»).

Язык пьес прост, «обывовлен» и максимально приближен к разговорному.

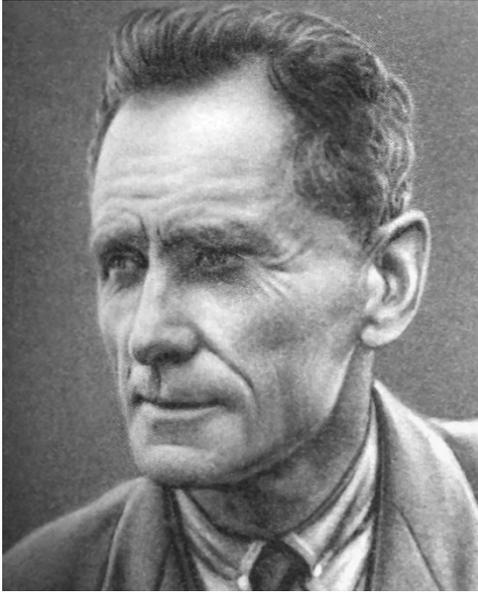
Пьесы А. ставили ефремовский МХАТ, Театр драмы им. Вл. Маяковского, ЦТСА, Театр на Малой Бронной, БДТ, Александринский, Театр комедии им. Н. Акимова, Открытый театр (ныне Ленсовета) и др. Некоторые пьесы А. были экранизированы («Сад» — «Прости нас, сад» (1988); «Синее небо, а в нем облака» — «Неприкаянный» (1989).

Соч.: Когда гремели залпы: рассказы. Л., 1964; Белье терема: повести. Л., 1968; Солнечная сторона улицы: повести, 1969; Волонтеры: документальная повесть // Аврора. 1970. № 3; Бананы и лимоны: повесть, Л., 1972; Вот моя деревня: повесть, Л., 1973; Веселая дорога: рассказы, Л., 1975; Старый барабанщик: рассказы, Л., 1980; Прощание с Ветлугиным: пьеса // Одноактные пьесы: сб. М., 1987; Колея: пьесы. Л., 1987; Трагики и комедианты: пьеса // Театр. 1990. № 6; Автобиография // Писатели России. Автобиографии современников. М., 1998. С. 48–51.

Лит.: Швыдкой М. Возьмемся за руки, друзья? // Театр. 1983. № 7; Сурков Е. Гражданская активность искусства и засилие общих мест // Совр. драматургия. 1984. № 1; Щербаков К. Цена победы // Совр. драматургия. 1985. № 1; Золотницкий Д. Сквозные мотивы // Нева. 1985. № 8; Кузьмин Е. Гражданственность от сих до сих? [Беседа за рабочим столом] // Лит. газ. 1987. 7 янв.; Вишняков В. Не только о судьбе сада // Труд. 1989. 19 марта; Золотницкий Д. Круглая дата острого драматурга // Невское время. 1992. 1 авг.

М. В. Смирнова

АРСЕНЬЕВ Владимир Клавдиевич [29.8 (10.9).1872, Петербург — 4.9.1930, Владивосток] — прозаик.

В. К. Арсеньев

Родился в семье почтового служащего. В 1896 окончил Петербургское пехотное юнкерское училище, служил в г. Ломжа (Польша), в 1900 в чине поручика прибыл во Владивосток, где возглавил крепостную конно-охотничью команду. За участие в русско-японской войне (1904–05) награжден тремя орденами; в 1905 переведен в штаб Приморского военного округа (Хабаровск). В 1906–10 осуществил 3 длительные военно-топографические экспедиции в Сихотэ-Алинь, принесшие ему всероссийскую известность; в 1910 освобожден от службы в войсках по личному распоряжению Николая II и направлен в Главное управление землеустройства и земледелия при местном генерал-губернаторе; тогда же занял пост директора Хабаровского краеведческого музея. В период с 1911 по 1917 провел в Уссурийском крае ряд экспедиций, преследовавших военно-административные и научные цели. После Февральской революции недолго (1917) исполнял обязанности комиссара Временного правительства по инородческим делам в Примурском крае и добровольно от этой должности отказался. С приходом советской власти А. сотрудничал с «Дальрыбой», предпринял экспедиции в района р. Тунгуски, на Камчатку и Командорские о-ва; в 1921 избран профессором по кафедре краеведения и этнографии во Владивостокском педин-те; в 1926–30 обследовал трассы проектируемой железной дороги Совгавань–Хабаровск.

А. около 30 лет деятельно участвовал в общественной и хозяйственной жизни Дальнего Востока, активно работал в Русском Географическом обществе и поддерживал постоянные связи с Российской академией наук. Скончался А. во Владивостоке, вернувшись из очередной экспедиции, и похоронен там же на мемориальном Морском кладбище. В 1934 А. задним числом обвинили в шпионаже, а его жену Маргариту Николаевну дважды арестовывали и в 1938 расстреляли (реабилитировали «по вновь открывшимся обстоятельствам» в 1958).

Источником книг А. послужили экспедиционные дневники, которые представляли собой официальный отчет штабного офицера о пройденных маршрутах, но постепенно обрели форму духовного самовыражения, положив основу своеобразному писательству. Дневники А.— не только путевая хроника во всей пестроте природных, бытовых и портретных зарисовок, они складываются в единый сюжет взаимоотношений носителя городской цивилизации с аборигенами уссурийской тайги и воспринимаются как авторская исповедь, праобраз написанных и ненаписанных книг, главным действующим лицом которых является рассказчик-путешественник. Содержащие богатые науч. сведения и наблюдения над людьми дневники А. не есть еще ни наука, ни лит-ра в чистом виде — это и почва для того и другого, и материал, и своего рода тигль для оригинального лит. сплава.

После экспедиции 1908–10 А. задумал труд под названием «По Уссурийскому краю» в 2 частях: первую собирался написать «исключительно в научно-литературном духе», включив туда «географические описания, статистику, описание самих путешествий, маршруты» и все, «что касается наших инородцев». Вторая часть выделась автору «чисто научной». В результате на материале 1-й части в 1916 были завершены книги **«По Уссурийскому краю»** и **«Дерсу Узала»**, изданные на средства автора во Владивостоке соответственно в 1921 и 1923.

Худож. ореол книг А. обусловлен присутствием на их страницах Дерсу Узала, охотника-гольда, всю свою жизнь прожившего в тайге и чуждого пороков, которые несет с собой городская цивилизация. Во внутреннем диалоге рассказчика и Дерсу таится динамика арсеньевского сюжета, репортерски достоверного и глубоко психологического. Создание образа Дерсу — сложный творческий процесс, далекий от элементарного копирования. М. Пришвин считал, что Дерсу Узала,

при всей своей индивидуальной подлинности, явился «не сам до себе, а через Арсеньева», «к следопытству инстинктивного человека Дерсу присоединяется следопытство разумного этнографа», и, будучи вроде бы антиподом автора, Дерсу оказывается его духовным двойником.

Из экспедиции 1908–10 А. посылал в хабаровскую газ. «Приамурье» путевые письма, позднее они трансформировались в «**Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края**» (1912), этнографическое исследование «**Китайцы в Уссурийском крае**» (1914) и книгу «**В горах Сихотэ-Алиня**», опубликованную лишь после смерти писателя. Дарование А. органически соединяло в себе способность к науч. прогнозу, объективному изображению природных явлений с их эмоциональным восприятием. А. обладал подсознательным чувством природной красоты, и его писательство — как процесс и как духовный акт — предельно обнажено, по-своему первозданно; недаром М. Пришвин называл талант А. реликтовым.

Арсеньев сформировался вне лит. среды, никогда не претендовал на лавры профессионального писателя, однако и его личность, и его книги были высоко оценены М. Горьким и А. Платоновым, С. Маршаком и В. Шкловским, А. Фадеевым и К. Симоновым. Книги А. многократно издавались во всем мире внушительными тиражами, а классик японского кино А. Куросава снял в 1970-х на «Мосфильме» худож. картину о Дерсу Узала, уважая А. за «способность глубоко проникать в человеческие души».

Вклад А. в русскую культуру XX в. уникален. В начале столетия он личным примером «пионера-исследователя» доказал, на что способен в одиночку честный человек, вставший, на защиту «диких аборигенов», отброшенных цивилизацией на грань вымирания. В 1920–1930-х его пафос первооткрывателя вдохновлял молодых покорителей окраинных российских территорий, и неспроста арсеньевские книги приобрели в ту пору огромную популярность. В 1960–1970-х, в условиях «экологической революции», путевая проза А. воспринималась как страстный призыв беречь заповедную природу. И всегда были и будут достойны уважения верность А. офицерской присяге, его преданность своей стране.

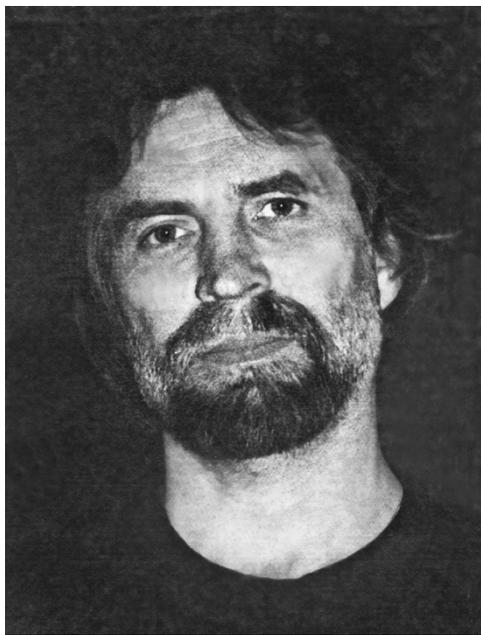
Соч.: Соч.: Т. 1–6. Владивосток, 1947–49; Избранные произведения: в 2 т. М., 1986; Избранные произведения: в 2 т. Хабаровск, 1997; В джунглях Уссурийского края. Владивосток, 1926; Лесные люди — удэхейцы. Вла-

дивосток, 1926; Жизнь и приключения в тайге. М. 1957; Из путевых дневников // Дальний Восток. 1972. № 8–9; Письма // Дальний Восток. 1975. № 7; По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М., 1983; Последний дневник // Рубеж. Владивосток, 1995. № 2; В горах Сихотэ-Алиня. Сквозь тайгу. М., 1997.

Лит.: Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский) // Землеведение. Т. 32. Вып. 8–4. М., 1930; Роголь Н. В. К. Арсеньев. Критико-биографический очерк. Хабаровск, 1947; Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист (1872–1930). М., 1947; Азадовский М. К. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. Чита, 1955; Карпов Г. В. В. К. Арсеньев. М., 1955; Лидин В. Г. Люди и встречи. М., 1957; Пермяков Г. Тропой жень-шеня. Рассказы и очерки о В. К. Арсеньеве. Хабаровск, 1965; Кузьмичев И. С. Писатель Арсеньев. Личность и книги. Л., 1977; Кузьмичев И. С. Мечтатели и странники. Лит. портреты. Л., 1992; Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985; Хисамутдинов А. А. Его звали Арсеньев-Уссурийский: Документально-исторический очерк // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXI. Владивосток, 1997; Владимир Клавдиевич Арсеньев: Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей, свидетельствах эпохи. Владивосток, 1997; Андреев Н. Выбор Арсеньева // Вокруг света. 2002. № 4.

И. С. Кузьмичев

АРТЁМОВ Владислав Владимирович [17.5.1954, с. Лысуха Минской обл., БССР] — поэт, прозаик.

В. В. Артёмов